

ХРОНИКА МАГДЫ МАЦУЛЕВИЧ — ПИАНИСТКИ, ЭСТЕТА И ЧЕЛОВЕКА

(К 110-летию со дня рождения)

*«Два переживания омрачают мою жизнь.
Первое — понимание того, что мир
представляет собой непостижимую тайну
и полон страданий.
Второе — что я родился в период духовного
упадка человечества»*

Альберт Швейцер

Уходят лучшие. Они — в единицах. Скоро нас будет окружать одна пустота. Серая. Безличная. Тупая. Образованная вакуумом жалких душонок, примитивных умов, воинствующей безнравственности. И полной творческой несостоятельности. Возможно, так лучше. Обнажаются полые пространства и человек зрит Бога, жестокого в своем гневе и милосердного в своем могуществе. Это учит. Не всегда, правда.

Впрочем, лучшие — не обязательно известные, а известные — не всегда лучшие. За примерами, как говорится, ходить далеко не надо. Гитлер. Сталин. Калигула... При желании этот печальный список из любой области деятельности блуждающего в моральных потемках человечества читатель может продолжить сам.

Среди тех, кто ушел и был одним из последних могикан расцвета российской (точнее — прежней петербургской) культуры на переломе XIX — XX веков — Магда Францевна

Мацулевич. Человек необычной и трагической судьбы, замечательной одаренности, великих духовных и этических достоинств. Женщина утонченная, жизнелюбивая и мужественная, под несравненное обаяние и шарм которой раз и навсегда попадал всякий, кто хотя бы однажды имел счастье соприкоснуться с ней. Музыкально-общественный деятель и блестящий организатор. Мыслитель и эстет. Необыкновенная пианистка и одна из лучших воспитанниц Петербургской консерватории по классу прославленного профессора Леонида Владимировича Николаева. Ее талантом в свое время восхищались и В. И. Сафонов — учитель Николаева по Московской консерватории, и наезжавший временами в Петербург А. Н. Скрябин, и легендарный директор и духовный патрон Петербургской alma mater А. К. Глазунов. Не по своей воле, но в силу стечения роковых обстоятельств, вызванных прежде всего социально-политическими катаклизмами XX века, ей было суждено до конца своих дней оставаться в тени и не быть признанной в той мере, какую она заслуживала.

В мою жизнь Магда Францевна вначале вошла как мой учитель. По музыкальному училищу. В пору моего окаянного сиротства, дарованного властями, когда спасавшиеся от большевистского террора родственники мои были развеяны по всему свету, умерла мама, погиб в Колымском ГУЛАГЕ отец. Было это в далеком 1940 году в Томске. Потом стала другом. Пожизненно. Вплоть до 1984-го — года ее смерти.

С ее уходом я потерял не только дорогого человека — потерял значительную часть самого себя. Быть может лучшую. Если близость к человеку выдающемуся возвышает нас, то к людям равным, или тем более неравным нам — чревато нашим падением. Близость к Магде Францевне поднимала меня в моих глазах. Ее внимание ко мне трогало и покоряло. Разве можно забыть ее неожиданные визиты ко мне — тогда мальчику — в опустевший после потери родителей дом и уроки немецкого, которые она, владевшая в совершенстве пятью европейски-

ми языками и латынью вдобавок, по своей воле давала мне. Или тем более наши незабываемые встречи за роялем в ее сумрачной и малообжитой сибирской квартире, когда простой показ той же начальной фразы Третьей баллады Шопена, наполненной щемящим внутренним движением и обескураживающей искренностью, становился подлинным художественным откровением и прологом к драме романтических чувств и образов, прологом, в котором было сказано, казалось, все. А ее захватывающие за живое рассказы о музыке и музыкантах, о прошлом Петербурга и сокровенно личном, когда мы были уже друзьями... Разве можно забыть все это?

Поэтому я так дорожил своим другом. Людей, подобных ей, в моей жизни можно пересчитать по пальцам. Однако пересчитывать их уже не надо. Тех людей уже нет. Их круг замкнулся. Навсегда. Как и та цепь событий, которая объединяла нас всех — мертвых и живых — в одно неделимое целое и которая теперь стала достоянием вечности. Банальные ссылки на память, вроде «Никто не забыт, ничто не забыто», лицемерны, ибо пытаются выдать желаемое за действительное.

Между тем формальная историческая память, какое значение мы не придавали бы ей, — не главное. Значительно важнее те духовные, нравственные и культурные ценности, которые оставил нам в наследство ушедший от нас человек, ценности, ставшие нашим внутренним достоянием, с позиций которого мы вольно или невольно судим о современности. Судим, чтобы сблизить прервавшуюся связь времен и придать ей новый жизненный импульс, направив наши усилия по пути здравого смысла и эстетики прекрасного, завещанных предками.

Именно исходя из сказанного и была написана эта статья, посвященная Магде Францевне. Причем не первая. Так, одна из них «Ее осязаемый вклад» (увы, в сокращении), была опубликована теперь уже в далеком 1985 году в этом же журнале, выходившем тогда под названием «Советская музыка». Позднее на основе этой и других публикаций, принадлежащих мне

и другим авторам, воспоминаний, писем и иных различных документов, так или иначе связанных с Мацулевич, возник уже после ее кончины мемориальный сборник, дополненный новыми «посмертными» разделами. К великому сожалению, сборник издать не удалось, разве лишь подарить его машинописные копии Томскому и Новоузнецкому музыкальным училищам, где Магда Францевна некогда работала и придала им в свое время высокий творческий импульс (а то и просто спасла от закрытия, как это случилось в военные годы в Томске, о чем речь впереди).

Пользуясь представившейся возможностью, дарованной мне юбилейной датой, в этой статье я попытаюсь, используя материалы сборника, донести до читателя хотя бы самую малую долю того, что связано с именем уникального человека и что до сих пор живо волнует меня, как и всех людей, знавших Магду Францевну или учившихся у нее. Поток чувств и воспоминаний подобно океанской волне захлестывает меня и ставит перед неразрешимой задачей воплощения того, что невоплотимо уже в силу самого факта своего существования. Существования не в облике слов и дефиниций — слабой и ущербной копии действительности, а в реальном и непереводаемом на язык речи сложнейшей гаммы движений человеческой души и сердца.

...В один из привольных июльских дней 1897 года, а именно 18-го числа, в Новгороде в небогатой интеллигентной польской семье пятым ребенком родилась Магда Францевна. В одном из писем ко мне она с нежностью вспоминала: «Отец обладал художественными наклонностями, хотя был дилетантом, — хорошо рисовал акварелью, тушью и карандашом. Его карандашный большой портрет Бетховена даже фигурировал на любительской выставке. И за него маме давали в то время 200 рублей (по тем временам немалые деньги), но она отдать его не хотела. Кроме того, отец, не будучи пианистом, хорошо играл на рояле, писал собственные сочинения. Его игра

настолько будоражила мое детское воображение, что я, начитавшись, бывало, „Хижины дяди Тома“ и слушая отца, заливалась горячими слезами. Было мне в это время лет семь-восемь. Будет понятно, если в свете этого скажу, что по службе (отец был незначительным сотрудником Контрольной Палаты) он слыл неудачником, т.к. его мысли и воображение были далеки от сухости чиновничьих бумаг... Мать была ревностной семьянинкой, всецело преданной воспитанию детей. Росла я в атмосфере разумной строгости матери, неукоснительно требовательной в отношении выполнения мною всяких обязанностей, в особенности учения. Отец мало вникал в это, но иногда, правда безуспешно, старался смягчить систему сурового воспитания. Как бы то ни было, я очень обязана своим родителям — матери, подготовившей меня к трудностям жизни, отцу — за мягкое, добросердечное, я бы даже сказала поэтическое воздействие на детскую психику».

В том же письме ниже Магда Францевна неожиданно вспоминает: «Было мне года четыре, когда отец в шутку сажал меня за рояль (в дискантах), а сам садился в партию баса и говорил мне — „ну, играй что-нибудь и старайся, чтобы как-то со мной звучало не противно!“ . И я старалась, как умела своим маленьким, но, видимо, уже умевшим приспособиться, слушком. Много позже я порекомендовала этот способ своему ученику, и он успешно испробовал его на своем малолетнем сынишке».

Тринадцати лет от роду будущая пианистка была принята в Петербургскую консерваторию на младший курс. Всего через год она становится ученицей старшего отделения консерватории по классу профессора Леонида Владимировича Николаева. Занятия в консерватории сочетались с посещением гимназии, дополнительным изучением иностранных языков, обязательным чтением классиков русской и западноевропейской литературы, уходом за собой и, конечно, многочасовым бдением за роялем. День был расписан по минутам, тем более что все годы обучения — с 1910 по 1917 — класс Николаева

приходилось посещать ежедневно, присутствуя на занятиях профессора с другими учениками. Их простой перечень мог бы поразить воображение любого, кто имеет какое-либо отношение к музыке: Самарий Савшинский, Владимир Софроницкий, Мария Юдина, Надежда Голубовская, Самуил Барер, Иосиф Шварц, Сергей Прокофьев, Владимир Дешевов, Борис Пахутин, Александр Гаук, Эрнст Линко, Сергей Ельцин (впоследствии главный дирижер Мариинского театра)...

До консерватории Магда Францевна обучалась частным образом у бывшей ученицы Теодора Лешетицкого. Его школа была диаметрально противоположна педагогическим методам и принципам Николаева. Здесь профессору и его юной ученице пришлось преодолеть целый ряд трудностей. Чтобы обратить воспитанницу в иную пианистическую «веру». Искусство предстало перед Магдой Францевной не в виде более или менее изолированных художественных и технических задач с некоторым налетом ремесленничества, а в облике единой целостной системы, огромного и сложного мира, который не только опирался на солидный фундамент специфических навыков и умений пианиста, но и наполнялся высокими творческими целями, захватывающими дух и воображение.

В те годы Петербург славился одним из центральных мест паломничества крупнейших музыкантов мира. «Мы изнывали от восторга. — пишет в том же письме Магда Францевна, — слушая Гофмана, Годовского, Сливинского. К прославленному Гальстону стаями бегали в гостиницу „Астория“, где в номере у него стоял рояль, усаживались прямо на полу и заслушивались теми произведениями, которые он охотно играл по нашей просьбе». Из русских пианистов особым успехом у консерваторской молодежи пользовались Скрябин и Рахманинов.

А сколько неизбывных чувств, углубленных размышлений и тонких наблюдений рождало вдохновенное искусство известнейших дирижеров того времени — Никиша, Клемперера, Кусевицкого. Шевальера, Шпеефогта, Сафонова,

Малько! На ученических концертах в консерватории можно было услышать скрипачей Мирона Полякина, Яшу Хейфеца, Цецилию Ганзел, виолончелиста Штримера, которым впоследствии было суждено стать признанными виртуозами мира. На памяти Магды Францевны был и 20-летний Генрих Нейгауз, сдающий экстерном государственный экзамен после учения у Годовского.

В этой благодатной атмосфере ученица развивалась поистине семимильными шагами. Уже в первые годы обучения она сумела переиграть чуть ли не всю классическую фортепианную литературу — от клавирных циклов Баха, сонат и концертов Моцарта и Бетховена до этюдов и Баллад Шопена и транскрипций Листа, «Исламея» Балакирева... Стремительный успех девочки-подростка обратил на себя внимание всей консерватории и Николаев, обычно чрезвычайно сдержанный ко всем ученикам, к Магдусе, как он называл свою ученицу, относился особенно трогательно Иной раз занятия на дому у Леонида Владимировича затягивались допоздна и учитель оставлял свою любимицу ночевать у себя, отводя ей отдельную комнату. Иногда перед самым сном раздавался осторожный стук в дверь и за ней раздавался приглушенный голос Николаева: «А ты, девочка, вымыла на ночь ручки? Ножки?».

Грянула первая империалистическая бойня. Материальные дела родителей пошатнулись, шестнадцатилетняя Магда набралась храбрости и отправилась на прием к самому Глазуну — за рекомендацией на работу (без этого даже частный урок получить было невозможно). Александр Константинович принял участие в судьбе семьи и направил молоденькую девушку к тогдашнему петербургскому градоначальнику Лысогорскому — учить фортепианной игре троих его детей, из которых одна из его дочерей была чуть ли не вдвое старше своей юной учительницы. Вскоре природный дар легко и быстро читать с листа текст почти любой сложности привел Магду Францевну в Мариинский театр и она становится одним из

самых популярных «домашних» концертмейстеров у ведущих певцов оперы, таких как бас Куклин, тенор Кабанов, сопрано Афромеева.

Весной 1917 года, когда над страной уже полыхало зловещее зарево переворота, девятнадцатилетняя Магда с блеском окончила консерваторию. В политике разбиралась плохо. Однако воодушевленная мифическими идеями свободы, равенства и братства активно включилась в работу на революцию. Выступала как пианистка перед рабочими и солдатами на импровизированных концертных площадках прямо под открытым небом, в заводских частях, рабочих клубах и воинских частях. В городе постоянно происходили перестрелки, городской транспорт бездействовал, в консерваторию или к месту выступлений ходила пешком почти через весь город (жила на Васильевском острове) — нередко под пулями. Порой лишь чудом удавалось остаться живой.

Ее официальная педагогическая деятельность началась в Ивово-Вознесенском музыкальном училище, куда она была направлена после завершения консерватории. Пусть стыли, рискуя примерзнуть к клавишам, руки у молодой учительницы и ее юных учеников в неотопливаемых тогда помещениях училища, пусть приходилось поздними вечерами ложиться в постель с мыслями о куске хлеба и переносить тысячи разных невзгод в годы разрухи и большевистского произвола — все отодвигалось на второй план несокрушимой верой в важность педагогического призвания и безотчетной готовностью служить — вопреки всему! — быть полезной людям. Создает инструментальное трио, в которое вошли помимо Магды Францевны ученик Ауэра скрипач Шапиро и виолончелист Фогельман, воспитанник Вержбиловича. География гастролей коллектива охватывает чуть ли не всю Россию — от Иванова-Вознесенска, Ярославля и Костромы до Твери, Рязани и Вологды.